

Спустившись после того, как убрала багаж, Чжан-ма застала госпожу с сыном в гостиной. Они увлеченно беседовали. На губах матери играла вежливая, но едва заметно натянутая улыбка. Рядом с молодым господином сидел незнакомый гость, и было видно, как сильно Хань Цзин из-за него нервничает — он то и дело неосознанно подавался корпусом в его сторону.

Госпожа Хань смотрела на сына, и догадка, которую ей так отчаянно хотелось опровергнуть, крепла в душе с каждой секундой, оседая в груди тяжелым, колючим камнем. Руки её невольно замерли.

— Мам, открой, посмотри, — попытался разрядить обстановку Хань Цзин, так и не заметив, как сильно выдает его собственная защитная поза. — Морис сам выбирал. Тебе нравится?

— Спасибо, Морис, — вежливо улыбнулась госпожа Хань.

Один только логотип Argels на футляре выдавал баснословную цену подарка — бренд мирового уровня. Внутри, на бархатной подложке, покоилось ожерелье из безупречно круглого, сияющего жемчуга. Оттенок был изысканным, благородным и идеально подходил женщине её лет. Но это точно выбирал не Хань Цзин... Мать слишком хорошо знала вкус сына: с самого детства все его мысли были заняты исключительно формулами, а немногочисленные друзья-математики щеголяли в помятых вещах и мало заботились о внешнем виде.

Нынешний гость был совсем другим. Его одежда казалась простой лишь на первый взгляд — каждая деталь была выверена с безупречным вкусом, ненавязчиво подчеркивая благородную статью. Жаль только, что он мужчина...

Заметив, каким мягким, полным нежности взглядом сын то и дело провожает Мориса, госпожа Хань сдержанно погасила улыбку и передала футляр подошедшей Чжан-ма.

— Давайте сначала пообедаем. Я попросила Чжан-ма приготовить восьмисокровищную рыбу, семизвездных крабов и свиную рульку Дунпо — всё твоё самое любимое.

Морис поднялся следом за ними. Он прекрасно почувствовал, что не слишком понравился матери Хань Цзина. Несмотря на радушный тон, она без должного интереса отдала подарок прислуге. К сожалению, Морису не хватало дипломатичности Андрея, и он никак не мог подобрать нужные слова, чтобы растопить этот лед.

Сам же Хань Цзин со своей математической непосредственностью соображал еще медленнее и даже не заметил деликатной заминки.

— Мам, ну я же просил по телефону не готовить крабов и рыбу! От них пахнет тинной. И жирную рульку Дунпо тоже не надо было — Морису от этого нехорошо, — заворчал Хань Цзин, по привычке не стесняясь матери.

Он подошел к столу и заботливо выдвинул для Мориса стул:

— Хочешь, я попрошу Чжан-ма принести подушку под спину?

— Не нужно, мне и так удобно, — негромко ответил Морис.

«Ну что за упрямый сухарь! Горе-математик... Как можно быть настолько недогадливым в такой момент?»

— Госпожа Хань, у вас чудесный стол, — поспешил вмешаться Морис, пытаясь сгладить неловкость. — На самом деле я люблю семизвёздных крабов. Мы с Хань Цзином как-то пробовали их в гостях у Роджера, вкус был просто превосходный.

— Рада, что тебе нравится. Раз уж ты пришел в гости к Хань Цзину, угощайся без стеснения, — ответила госпожа Хань. Спасая приличия, она держала на лице приветливую маску, но ее тон оставался подчеркнуто холодным и вежливым.

Хань Цзин наконец уловил эту стену отчуждения и упрямо повторил:

— Мама, Морис — мой любимый человек. Я...

— Достаточно, — мягко, но непреклонно прервала его госпожа Хань. — Чжан-ма, можешь идти.

Дождавшись, пока служанка скроется за дверью кухни, она перевела тему:

— Отца ждать не нужно, он сегодня заночует у твоей сестры. Поговорим после ужина, а то все остынет, будет невкусно.

— Ты тоже знаком с Роджером? — спросила госпожа Хань, переводя взгляд на Мориса и не давая сыну вставить ни слова.

— Да, мы часто пересекаемся по службе.

— Занимаешься древними языками?

— Нет, мы просто работаем в одном ведомстве, — ответил Морис.

Доносившийся от блюд густой рыбный запах заставил его желудок судорожно сжаться, но он изо всех сил старался сохранить невозмутимый вид.

— Значит, коллега нашего Цзин-эра? — госпожа Хань осторожно прощупывала почву, пытаясь понять, кто перед ней. — Роджера я знаю давно. Он был лучшим старшим сокурсником Хань Цзина в университете, сын все эти годы постоянно о нем рассказывал.

— Но... прости за прямоту, Морис, от Хань Цзина я ни разу не слышала твоего имени. И вдруг сын заявляет, что вы намерены пожениться. Это... весьма неожиданно.

— Как давно вы знакомы? — засыпала она вопросами, сохраняя на лице благожелательное выражение.

— Скоро будет год, — Морис отложил палочки, прекрасно уловив скрытый подтекст ее расспросов.

— Вот как? — Госпожа Хань заметно расслабилась и снисходительно улыбнулась. — Меньше года... Тебе не кажется, что это слишком поспешно? Кому, как не матери, знать своего ребенка. Наш Цзин-эр ужасно невнимателен в быту. Про математиков не зря говорят, что они живут в своем мире — он часто не замечает чувств тех, кто рядом.

— Думаю, вам стоит лучше узнать друг друга. Вы еще молоды, к чему такая спешка? Брак — это решение на всю жизнь.

— Мама, мы все взвесили! Я люблю только Мориса и никого больше, — горячо возразил Хань Цзин. Видя, что всегда баловавшая его мать идет на попятную, он занервничал: — Я вообще-то и приехал ради того, чтобы ты помогла мне поговорить с отцом!

— Совсем я тебя разбаловала! — рассердилась наконец госпожа Хань. — О таком серьезном шаге заявляешь с порога, даже не предупредив мать заранее!

— Но ты же сама говорила, что полюбишь любого, кого выберу я! — тихо, но упрямо буркнул в ответ Хань Цзин.

— Хань Цзин, — негромко одернул его Морис, чувствуя, что разговор заходит не туда.

Хань Цзин тут же прикусил язык. Он поднялся и, потянувшись к дальнему блюду, переложил на тарелку Мориса несколько тонких ломтиков нежной говядины с зеленым луком.

— Попробуй, она совсем нежирная.

— Ну как? Чжан-ма отлично готовит, ничуть не хуже, чем в хорошем ресторане.

Госпожа Хань молча наблюдала за этой сценой. Видеть, как ее единственный сын, с которого она сдувала пылинки и лелеяла с самого детства, теперь заглядывает кому-то в рот и

ухаживает за чужим человеком, было невыносимо. Она нахмурилась. Мать всегда мечтала о заботливом, чутком зяте или снохе — о ком-то, кто укутает вниманием ее рассеянного сына. А тут все вышло с точностью до наоборот.

Смотреть, как Хань Цзин суетится вокруг гостя, совершенно забыв про собственную пустую тарелку, у нее не было сил. Не выдержав, госпожа Хань подцепила палочками сочного семизвездного краба и положила сыну.

— Наш Цзин-эр с самого детства обожает это блюдо. Морис, угощайся и ты, — из вежливости она положила кусок краба и в тарелку гостя. — Расскажи, такой же вкусный, как у Роджера?

Морису и так было дурно, а при виде сочной крабовой мякоти, сочащейся жиром и икрой, тошнота подступила к самому горлу. Острый, удушливый запах морепродуктов мгновенно заполнил легкие. Больше сдерживаться не получалось: Морис порывисто прижал ладонь к губам и, напрочь забыв о приличиях, вскочил из-за стола.

— Прошу прощения... — выдохнул он. Лицо его вмиг побелело, желудок судорожно вывернулся наизнанку, и он с трудом подавил рвотный позыв.

Хань Цзин среагировал мгновенно: подхватив побелевшего Мориса под руку, он поспешно повел его в сторону уборной.

Приятный ужин был безнадежно испорчен. Госпожа Хань сидела в пустой столовой, слушая, как из глубины коридора доносятся приглушенные звуки рвоты.

«Неужели так сильно тошнит? Или у него непереносимость морепродуктов?»

Госпожа Хань позвала Чжан-ма и велела немедленно вызвать врача. Продержавшись еще какое-то время и поняв, что они не возвращаются, она не выдержала и направилась к ванной комнате.

Вцепившись одной рукой в край раковины, Морис судорожно прижимал ладонь к губам, пытаясь сдержать подступающие волны тошноты, но спазмы следовали один за другим. Все последние недели Хань Цзин пылинки с него сдувал и строго следил за диетой, так что отвыкший от резких раздражителей организм отреагировал на вьедливый запах рыбы настоящим бунтом.

Хань Цзин бережно прижимал его к себе, осторожно поглаживая по спине, и его сердце сжималось от жалости при виде этих мучений.

— Уже пятый месяц пошел, а малыш все никак не утихомирится, — тихо ворчал Хань Цзин, целуя его в висок. — И мама хороша! Я же просил не готовить ничего жирного и пахучего. Посмотри, до чего тебя довели.

— Я в поряд... Кх! — Морис попытался возразить, но новый приступ спазмов перехватил горло. Он низко склонился над раковиной, сотрясаясь в сухом кашле. Лоб его покрылся холодной испариной.

Наконец рвота отступила, оставив во рту горький привкус желчи. Обессиленный, Морис прижал руку к груди, чувствуя во всем теле свинцовую тяжесть.

— Все хорошо... — прохрипел он, вытирая губы тыльной стороной ладони. — Просто мы слишком долго отсутствуем. Я повел себя непозволительно, твоя мать решит, что я не умею держаться в обществе.

— Куда ты собрался в таком состоянии? Лежать нужно! — Хань Цзин властно прижал его к себе, не позволяя выпрямиться. — Ты у меня дома, это и твой дом тоже, незачем так церемониться. Не переживай, моя мама только с виду строгая, а в душе добрая. Как только она узнает, что ты ждешь ребенка, сразу отгадет. Будет пылинки с тебя сдувать похлеще моего.

— Думаешь? — Морис слабо нахмурился.

«Что-то не верится...» — тоскливо подумал он, вспоминая натянутую улыбку госпожи Хань. Мать Хань Цзина определенно была не в восторге.

Забывшись в своих тревогах, он послушно приник к плечу Хань Цзина и опомнился лишь тогда, когда тот внезапно вскрикнул.

— Мама?! — Хань Цзин вздрогнул.

В дверях ванной стояла госпожа Хань. Перепуганный застигнутый врасплох парень инстинктивно разжал руки, но тут же взял себя в руки и притянул Мориса обратно к своей груди, словно защищая от всего мира.

Морис вспыхнул от неловкости. Он попытался аккуратно высвободиться, но Хань Цзин держал его мертвой хваткой, а устраивать перед будущей свекровью сеанс рукопашного боя было бы верхом безумия.

— Мам, Морису нехорошо, — виновато заговорил Хань Цзин. — Я отведу его наверх, пусть приляжет. А потом спущусь и поем с тобой, ладно?

Глядя на своего непутевого сына, госпожа Хань испытывала целую бурю чувств — от глухого раздражения до полного замешательства. Ведь она прекрасно расслышала их разговор.

— Раз уж тебе нездоровится, пусть Хань Цзин отведет тебя наверх, — мягко сказала госпожа Хань, стараясь подавить бушевавшие внутри эмоции. — Хочешь чего-нибудь особенного? Скажи, Чжан-ма приготовит.

Она незаметно окинула Мориса оценивающим взглядом. Раньше она не придавала значения его фигуре, списывая все на плотное телосложение военного, но теперь, вооруженная услышанной правдой, похолодела от изумления. Под просторным черным свитером отчетливо угадывался округлый, выступающий живот.

«Уже и живот виден... Месяц четвертый или пятый, не меньше?» — мысленно ахнула она.

Глядя на осунувшееся, бледное лицо Мориса, госпожа Хань растерялась. Слишком много ошеломляющих новостей обрушилось на нее в один вечер.

— Ну что ты застыл как истукан? — прикрикнула она на сына. — Помоги ему подняться, смотри под ноги на лестнице!

Повернувшись к Морису, она заговорила значительно мягче:

— Не стесняйся. Раз уж тебе нехорошо, аппетита сейчас все равно не будет. Иди, приляг, отдохни с дороги. Как проснешься, скажи Хань Цзину, чего бы тебе хотелось съесть, а я велю Чжан-ма все сделать.

Заметив неловкость и колебания Мориса, она добродушно улыбнулась:

— Иди-иди, у нас тут не казарма, никаких строгих правил нет. Главное — береги себя. Прodelать такой долгий путь в твоём положении... Ты, должно быть, безумно устал.

Морис уловил скрытый намек. Она все поняла. В его характере было встречать любые трудности с открытым забралом, но под этим изучающим женским взглядом он впервые в жизни почувствовал себя уязвимым и неловким.

Дождавшись, пока они скроются на втором этаже, госпожа Хань мгновенно сбросила маску благодушия. Лицо ее потемнело.

— Чжан-ма!

— Чжан-ма, немедленно сюда! — громко позвала она, заходя в гостиную. От ее недавнего спокойствия не осталось и следа.

Напуганная редкой для хозяйки истеричностью в голосе, Чжан-ма поспешно прибежала на зов. Она застала госпожу Хань мечущейся по комнате из угла в угол, судорожно массирующей виски.

— Госпожа, что случилось?

— Мой неблагодарный сын... Он сведет меня в могилу! — Госпожа Хань бессильно опустила руки и глубоко вздохнула, пытаясь вернуть лицу привычное благородное выражение.

— А где молодой господин? Почему он оставил вас одну? — Чжан-ма заозиралась по сторонам, заметив, что в гостиной никого нет.

— У него дела, — сухо отрезала хозяйка и, бросив тревожный взгляд на лестницу, нахмурилась.
— Послушай, ласточкины гнезда для моей вечерней порции супа уже варятся?

— Да, только-только поставила томиться.

— Сделай побольше. Как будет готово, всю кастрюлю отнеси в комнату Хань Цзина. И завтра утром обязательно приготовь свежую порцию, подай в закрытой фарфоровой чаше, чтобы не остыла.

— И еще... у нас остались сушеные кислые дикие финики?

— Совсем немного, мы их почти не едим, — ответила Чжан-ма. Будучи опытной женщиной, она уже начала смутно догадываться, в чем дело.

— Завтра утром купи свежих, я напишу список. И принеси мне меню для завтрашнего обеда, нужно пересмотреть блюда и убрать все жирное.

Продумав первые шаги, госпожа Хань отпустила служанку взмахом руки. Она снова взглянула на запертую дверь второго этажа, и в ее глазах отразилась глубокая печаль. Словно лишившись сил, она тяжело опустилась на диван.

«Мерзавец! Совсем от рук отбился! Как он мог... Как умудрился обрюхатить мужчину?!»

Она прижала ладонь к лицу, тихо сокрушаясь. В ее памяти Хань Цзин всегда оставался тихим, замкнутым мальчиком, который никогда даже не смотрел на сверстников и не смыслил в любви. И вдруг он вырос... Да так стремительно, что сразу преподнес матери столь ошеломляющий сюрприз.

— Вот моя берлога. Присаживайся пока, я постелю постель, — Хань Цзин щелкнул выключателем настенного бра и бережно, не выпуская его руки, помог Морису опуститься на мягкий диван у окна.

Комната площадью около двадцати метров казалась тесной. Почти все пространство занимали четыре громоздких книжных шкафа и огромный, во всю стену письменный стол, уставленный

мониторами компьютеров и заваленный кипами рукописей.

— До сих пор предпочитаешь бумажные книги? — Морис со вздохом облегчения прижал ладонь к ноющей пояснице и подошел к полкам. Он наугад вытянул один фолиант — сплошь зубодробительные формулы по высшей математике и теоретической физике.

— Забыл? Еще в секторе Роедлас я обожал устроиться с ногами на диване, вооружившись обычным карандашом и листом бумаги. Только так, выводя формулы вручную, я ловлю настоящее вдохновение. С книгами то же самое...

— Стало быть... ты у нас парень консервативный и сентиментальный? — Морис взял со стола небольшую фоторамку. С глянцевого снимка ему ослепительно улыбалась пышногрудая блондинка. Он лукаво прищурился, растягивая слова.

— Быть верным привычкам — это ведь хорошо, правда? Ты — моя самая большая любовь, и я буду верен тебе до конца дней, — отозвался Хань Цзин. Он продолжал увлеченно взбивать подушки, даже не оборачиваясь и ни о чем не подозревая.

— Не знал, что у твоей сестры светлые волосы... Или она все-таки предпочитает каштановые кудри? — Морис взял вторую рамку, разглядывая роскошную мулатку с экзотическими чертами лица. На губах его играла опасная улыбка.

— Конечно нет, с чего ты... — Хань Цзин осекся на полуслове.

До него наконец дошел смысл вопроса. Он испуганно обернулся и застыл. Морис держал в руках его старые сокровища. Щеки математика мгновенно залила пунцовая краска. Неловко переступая с ноги на ногу, он поплелся к столу.

— Это Аффа, а вот та — Линь Шуянь... Они... ну, знаменитые актрисы, понимаешь? Звезды экрана. Ничего личного! Ты наверняка слышал о них?

Хань Цзин готов был сквозь землю провалиться от стыда. Обнимая Мориса за талию, он лихорадочно соображал, как выкрутиться из ситуации, стараясь не вдаваться в пикантные подробности. Разумеется, эти барышни были звездами — только не обычного кино, а его любимыми порноактрисами времен бурной юности. За последний год, после перевода на Базу № 9, он почти не бывал дома. Возвращаясь на пару дней, он просто падал от усталости и совершенно забыл про этот компромат. Кто же знал, что заботливая Чжан-ма во время уборки заботливо расставит эти портреты на самое видное место!